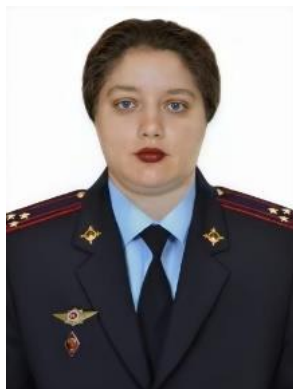

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.29039/2312-7937-2024-2-97-100

ГАУЖАЕВА ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Северо-Кавказский институт повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России
(Нальчик, Россия)

kristyv_13@mail.ru

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ» И «ОБВИНЕНИЕ»

Аннотация. В статье затронут вопрос соотношения и разграничения понятий «уголовное преследование» и «обвинение» как проблемы познания сущности функции обвинения в уголовном процессе, отмечена имеющаяся в науке неоднозначная их трактовка, а также необоснованное отождествление, рассмотрены причины этого, приведены доводы относительно самостоятельности рассматриваемых понятий и критерии их разграничения.

Обосновывается мнение о том, что обвинение существует не самостоятельно и не как основная функция стороны обвинения, а исключительно во взаимосвязи с уголовным преследованием; уголовное преследование, как и обвинение, являются персонифицированными институтами, так как оба реализуются в отношении конкретного лица.

Ключевые слова и словосочетания: уголовный процесс, уголовно-процессуальные функции, функция обвинения, обвинение, уголовное преследование.

Для цитирования: Гаужаева В.А. О разграничении понятий «уголовное преследование» и «обвинение» // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 2 (70). – С. 97-100; doi: 10.29039/2312-7937-2024-2-97-100.

GAUZHAEVA VICTORIA A.

North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Nalchik, Russia)

ON THE DIFFERENTIATION OF CONCEPTS «CRIMINAL PROSECUTION» AND «PROSECUTION»

Annotation. The article touches upon the issue of the relationship and delimitation of the concepts of «criminal prosecution» and «accusation», as a problem of understanding the essence of the function of the prosecution in criminal proceedings, notes their ambiguous interpretation in science, as well as unfounded identification, considers the reasons for this, and provides arguments regarding independence the concepts under consideration and the criteria for their delimitation.

The opinion is substantiated that the accusation does not exist independently and not as the main function of the prosecution, but exclusively in conjunction with criminal prosecution; criminal prosecution, like the accusation, are personalized institutions, since both of them are implemented in relation to a specific person.

Key words and word combinations: criminal process, criminal procedural functions, function of accusation, accusation, criminal prosecution.

For citation: Gauzhaeva V.A. On the differentiation of concepts «criminal prosecution» and «prosecution» // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2024. – № 2 (70). – P. 97-100; doi: 10.29039/2312-7937-2024-2-97-100.

Одним из проблемных вопросов в науке уголовного процесса является вопрос о соотношении понятий «обвинение» и «уголовное преследование». В силу их относимости к деятельности стороны обвинения в рамках осуществляемых уголовно-процессуальных функций эти понятия зачастую неоправданно отождествляются.

Представляя содержание процессуальной деятельности должностных лиц и органов, отнесенных уголовно-процессуальным законом к стороне обвинения, отдельные авторы обобщенно характеризуют ее как функцию «обвинения (уголовного преследования)» [4, с. 32]. Подобная формулировка или, как отмечает И.А. Фадеев, «редакционный прием» [9, с. 29], свидетельствует либо об их взаимозамене, либо по меньшей мере о безразличном отношении к разграничению сущности двух этих понятий. Причем непоследователен в этом вопросе и законодатель, который, с одной стороны, четко разделяет рассматриваемые понятия (п. 22 и 55 ст. 5 УПК РФ), а с другой – синонимизирует их (п. 46 ст. 5 УПК РФ – однако в данном виде эта формулировка по тексту закона более не встречается). Такой подход представляется нелогичным, создающим проблему четкого понимания сущности и содержания уголовно-процессуальных функций.

Полагаем, подобное мнение сформировалось исторически, благодаря некоей общепринятой позиции, согласно которой обвинение рассматривается как ядро уголовного процесса, а также наиболее значимый процессуальный институт, фактически лежащий в основе уголовного судопроизводства» [7, с. 5]. Еще М.С. Строгович писал, что «уголовное преследование – это обвинение как уголовно-процессуальная функция, т.е. обвинительная деятельность» [8, с. 81-82], из чего, по мнению ученого, следует органическое единство институтов уголовного преследования и обвинения. Вместе с тем развитие представлений о сущности уголовного процесса и функций его участников не всегда совместимо с точ-

ками зрения, не соответствующими актуальным тенденциям современной науки уголовно-процессуального права.

Так, п. 22 и 55 ст. 5 УПК РФ закрепляют понятия обвинения и уголовного преследования, соответственно. Руководствуясь этими определениями, можно прийти к очевидному общему выводу о том, что законодатель видит в конструкции термина «уголовное преследование» длящийся деятельностный аспект, а в термине «обвинение» – аспект одномоментного акта. На эти признаки указывает также И.А. Фадеев [9, с. 30-31]. В этой связи трудно теперь признать актуальным указанное выше утверждение М.С. Строговича, а также высказанный позднее А.М. Лариным вывод, согласно которому уголовное преследование – это деятельность по формулированию обоснованного обвинения лица в совершении преступления [3, с. 12-13]. Из этого следовало бы, что уголовное преследование сводится только к предъявлению обвинения и на этом завершается, что очевидно противоречит современной доктрине уголовно-процессуального права.

Лантух Н.В., С.Д. Шестакова и О.Р. Шепелева придерживаются мнения о том, что обвинение является одной из форм уголовного преследования, а последнее представляется не только как процесс изобличения подозреваемых, обвиняемых, но также в целом как деятельность по разрешению вопроса об уголовной ответственности виновного лица [5, с. 207]. Как видим, данные исследователи также обращаются к «длящейся» характеристике уголовного преследования, а его соотношение с обвинением рассматривают как соотношение, соответственно, общего с частным.

Земляницын Е.И. также рассматривает уголовное преследование как длительный процесс, нацеленный на установление всех обстоятельств преступления и применение к виновному всех установленных законом мер ответственности [2, с. 127]. При этом автор обоснованно обращает внимание на определенное сходство институтов

обвинения и подозрения, которые представляют различные формы реализации функции обвинения.

Наряду с этим существует еще одна позиция, согласно которой функция обвинения представлена такими структурными элементами, как уголовное преследование, формулирование (предъявление) обвинения, поддержание обвинения перед судом [6, с. 115]. На это указывает и Конституционный Суд РФ, который разъяснил, что «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде» [1]. Изложенное свидетельствует о самостоятельности как уголовного преследования, так и обвинения в рамках функции обвинения. Кроме того, из этого следует, что уголовное преследование и обвинение являются неотъемлемыми элементами комплекса процессуальных полномочий, именуемого «функцией обвинения», на правах самостоятельных форм реализации этой функции.

В свою очередь, на недопустимость отождествления обвинения как функции и обвинения как этапа деятельности в уголовном процессе, указывает ряд авторов [10, с. 87]. На наш взгляд, проблема отчасти создана терминологическим совпадением понятий «обвинение» и «функция обвинения», дифференциация которых в исследованиях делается не всегда, когда это необходимо. Закрепление в законе института «стороны обвинения» предполагает необходимость обозначения комплекса ее функций как «функция обвинения». Изложенные выше рассуждения и ссылки подтверждают, что функция обвинения – это наиболее общая категория, которая включает уголовное преследование и обвинение как процессуальный акт.

На самостоятельность и недопустимость отождествления между собой обвинения и уголовного преследования указывает также тот факт, что в законе также закреплены институты прекращения уголовного дела и уголовного преследования (гл. 4 УПК РФ). Указанные уголовно-процессуальные институты могут быть реализованы в отношении не только обвиняемого, но также подозреваемого, т.е. лица, в отношении которого еще не вынесены соответствующие процессуальные акты (ст. 171, 225 и 226.7 УПК РФ). Однако не вызывает сомнений тот факт, что в отношении этого

лица уже ведется уголовное преследование: подозреваемому разъяснено, в чем он подозревается, в его отношении проводятся следственные действия, применяются меры процессуального принуждения и т.д. Иными словами, уголовное преследование может осуществляться без предъявления обвинения, однако обвинение лица в совершении преступления вне рамок уголовного преследования представить невозможно. Это еще раз указывает на необходимость отграничения института уголовного преследования от института обвинения.

Нельзя также не отметить, что уголовное преследование, как и обвинение, являются персонифицированными институтами, так как оба они реализуются в отношении конкретного лица. Очевидно, что в отсутствие подозреваемого, обвиняемого реализация функции уголовного преследования и обвинения невозможна в силу отсутствия «объекта преследования». Так, о начале уголовного преследования можно утверждать применительно к личности подозреваемого, возникающего в деле по соответствующим основаниям (ч. 1 ст. 46 УПК РФ), и процессуальный статус которого преобразуется с момента привлечения его в качестве обвиняемого, после чего уголовное преследование продолжается уже в отношении обвиняемого. Производство по уголовному делу по факту преступления, совершенного неустановленным лицом, предполагает лишь реализацию функции предварительного расследования. Таким образом, можно сделать вывод, что обвинение существует не самостоятельно и не как основная функция стороны обвинения, а исключительно во взаимосвязи с уголовным преследованием.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Уголовное преследование и обвинение являются самостоятельными элементами функции обвинения, которая реализуется в уголовном процессе представителями стороны обвинения. Столь активное применение термина «обвинение» в различных сочетаниях применительно к одной из главных процессуальных функций создает проблему уяснения сущности понятия «обвинение» и его соотношения с понятием «уголовное преследование». Первое является одномоментным актом признания наличия достаточных данных для привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, второе – процессом

изобличения лица в совершении преступления. Таким образом, отождествление

рассмотренных понятий, равно как представление одного из них в виде структурного элемента другого недопустимо.

1. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.03.2003 № 104-О // URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_901902157 (дата обращения: 05.04.2024).

2. Земляничин Е.И. К вопросу о соотношении понятий «уголовное преследование», «обвинение», «подозрение», «предварительное расследование» // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 2 (21).

3. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986.

4. Лантух Н.В. Понятие, сущность и назначение уголовного судопроизводства (уголовного процесса) // Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учеб. для вузов / под ред. проф. Э.К. Кутуева; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019.

5. Лантух Н.В. Шестакова С.Д., Шепелева О.Р. Рассуждения о соотношении уголовного преследования и обвинения // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 6.

6. Ротар А.И. Соотношение категорий «обвинение» и «уголовное преследование» // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2014. № VII.

7. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: Наука, 1987.

8. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. – М.: изд-во Акад. наук СССР, 1951.

9. Фадеев И.А. Уголовное преследование и обвинение в досудебном производстве // Вестник Юридического института МИИТ. 2022. № 3 (39).

10. Чурилов С.Н. О соотношении понятий «функция обвинения», «уголовное преследование» и «обвинение» // Вестник МГПУ. 2015. № 3 (19).

Информация об авторе:

В.А. Гаужаева, доцент кафедры специально-технической подготовки, кандидат юридических наук

About the author:

V.A. Gauzhaeva, associate professor of the department of special technical training, candidate of law

Статья поступила в редакцию 26.05.2024

